

АЛЕКСАНДР САГИР

РОЗЫГРЫШ

РАССКАЗ

— Александр Ильич, я больше не могу там работать! — заявила Рита Тычева, едва войдя в палатку начальника нашей геологической партии. — Даже в инструкции написано, что одиночные маршруты в горах запрещены! Почему я должна работать одна?

Она нервно достала папиросу “Беломора” и закурила. Мы, четверо Сашек, — бывалые уже геологи, второй сезон пошел, — были в палатке начальника и теперь с любопытством ждали, что же последует дальше.

— В конце концов, я ведь женщина, и мне просто страшно! Этот медведь приходит к моей палатке каждую ночь, ходит вокруг, рычит, а я сижу до утра с револьвером в руках и не могу сомкнуть глаз, — выпалила она и только после этого обратила внимание, что в палатке все замерли и смотрят на нее.

У Риты это был первый самостоятельный полевой сезон, и, видимо, она с энтузиазмом молодого специалиста решила отстаивать свои права. Мы не могли скрыть, как смешны были нам ее откровенно женские претензии. Прищурив глаза от папиросного дыма, Рита неприязненно посмотрела на нас.

САГИР Александр Васильевич родился в 1955 году. Закончил Новочеркасский геологоразведочный техникум по специальности “Геология, поиски и разведка месторождений”, а также Якутский государственный университет — “Технология открытой и подземной разработки месторождений”. Двадцать лет работал в Восточной Якутии в Аллах-Юньской геологоразведочной экспедиции. Занимался геологической съемкой и поисками месторождений полезных ископаемых. Последние пятнадцать лет работал главным геологом на разведке и добыче золота в Забайкалье, Магаданской области, в Африке, на Курилах и Камчатке. Геолог, горный инженер. Автор сборника “Геологические рассказы”, многих научных публикаций.

Это была невысокая полногрудая женщина лет двадцати пяти, язвительная и желчная как и большинство дам, обделенных мужским вниманием. Не красавица, бледно-голубые глаза на сильно загорелом лице, нос горбинкой, в уголке бесцветных губ — неизменная беломорина. Из-под повязанного на голове платка выбились светлые пряди волос, старая матросская тельняшка небрежно заправлена в брюки геологической спецовки, на ремне с одной стороны висел револьвер, с другой якутский охотничий нож. Выглядела она как настоящий разбойник с какого-нибудь пиратского корабля. Рита гордилась своим питерским университетским образованием (надо сказать очень даже хорошим), свысока поглядывала на нас, окончивших лишь геологоразведочные техникумы или какой-то там, как она говорила, “задрипанный” Якутский университет. А мы не могли воспринимать ее серьезно. Ее полное пренебрежение к своему внешнему виду в сочетании с гордостью столичной женщины только сместило. Мы постоянно посмеивались над ней. К себе Рита требовала от всех совершенно официального обращения по имени и отчеству, не допуская никакого панибратства, но ее требование выполнял только Александр Ильич Горбунов — начальник нашей геологической партии. А мы, увидев однажды ее подпись “Маргаритычева”, называли ее не иначе, как только “Маргаритыч”. Она злилась, но ничего не могла поделать.

— Что вы предлагаете, Маргарита Николаевна, чтобы я пошел работать с вами или кто-нибудь из наших геологов? — спокойно спросил ее Горбунов.

Он указательным пальцем приподнял над бровями край своей выдавшей виды широкополой фетровой шляпы и посмотрел на Риту. Она смутилась под взглядом этого красивого и сильного сорокадвухлетнего мужчины. Его голубые глаза по-мальчишески озорно смотрели на нее из-под белесых бровей, в густых пшеничных усах и бороде пряталась улыбка.

— Вы же знаете, — продолжал Горбунов, — что у нас на пятнадцать геологов всего шесть студентов, приехавших на практику. Ну, посудите сами: геологическая съемка без радиометрии не проводится, поэтому четыре человека я оставил в съемочном отряде радиометристами. Два техника-геолога заняты на шлиховом и донном опробовании ручьев, им нужны промывальнички — двух студентов я отдал им. Вот и все! Один рабочий принят пекарем на базу — стар он в маршруты ходить, на пенсии уже давно. Завхоз — такой же. А больше в поселке не нашлось желающих бегать по нашим горам за мизерную зарплату маршрутного рабочего. И потом, Маргарита Николаевна, сначала вы просите поставить вам палатку в пяти километрах от базы, чтобы в маршруты было ближе ходить, а теперь вам рабочего, то бишь охранника, подавай... Где же я его возьму?

Горбунов замолчал.

— Но ведь страшно! — жалобно сказала Рита. Она обреченно опустилась на стоящее у стола полено и снова закурила.

— Думаешь, медведь! — сказал Сашка Рыжий, бесшабашный парень с копной ярко-рыжих волос на голове. — Что же нам теперь всем по двое ходить, чтоб не страшно было?

Половина геологов нашей партии действительно работала в одиночку, а северная часть хребта Сетте-Дабан на речке Менкюле, где мы проводили геологическую съемку, была излюбленным медвежьим краем. Я не знаю, есть ли еще в Восточной Якутии места, где можно увидеть столько медведей. Они встречались повсюду: в долинах рек и каньонах, на чистых луговых склонах гор, в непролазных зарослях и на скальных вершинах. Но к ним понемногу привыкаешь и принимаешь уже как естественную и неотъемлемую часть окружающей среды, как не желанных и не очень приятных соседей.

— Маргаритыч, ты же при оружии, — продолжил Рыжий, — как только медведь придет — пали в него из своего револьвера! Он с перепугу такого деру даст, что ты его больше и не увидишь, и не услышишь.

— Скажи ему: “Мишка, уходи!” — серьезно сказал якут Сашка Егоров, — и он уйдет. Я всегда так делаю.

— А Бакланчик спит себе каждый день под кустами кедрового стланика и ни о каких медведях не думает. А, Сашка? — Горбунов, смеясь, глянул на якута Сашку Бакланова. Недавно Горбунов отправил всех нас в маршруты,

а сам задержался на базе — в тот день начальник экспедиции проводил совещание по радиосвязи. А когда пошел Горбунов в маршрут, в кустах кедрового стланика наткнулся на спящего Сашку Бакланова. Тот, свернувшись калачиком на солнышке, досматривал свой сладкий утренний сон, и никакой медведь не был ему страшен. Бакланов только стыдливо и виновато улыбался.

— И откуда там медведь взялся? — удивленно спросил Горбунов. — Там же горняки неподалеку взрывные работы ведут, взрывы каждый день с утра до вечера.

— Недавно каюк подранил у них возле стоянки огромного медведя, — сказал я. — Тот стащил у горняков мешок с консервами. Взял в охапку и унес. Но сначала, наверное, немного порвал его, так как банки с тушенкой и сгущенкой всю дорогу из мешка сыпались. По этим банкам каюк и пошел вслед за ним. А когда увидел медведя на берегу реки и как он давит лапами банки и облизывает выдавленную из них сгущенку, пальнул по нему картечью. Медведь удрал и вот ходит теперь, наверное, к Рите со своей обидой.

— Санька, — обратился ко мне Горбунов, — сходи, посмотри: что там и как? Ты ведь неподалеку там каждый день бываешь.

— Ильич, что же мне — всю ночь там сидеть, чтобы убедиться в чем-то? — недовольно пробурчал я.

— Ничего, завтра отоспишься, — усмехнулся Горбунов. — Выходной даю. Да и не съест тебя Рита, не бойся.

— А я и не боюсь. Чего мне бояться?

— Ну, вот и сходи.

В палатку вошел наш пекарь, черный, как цыган, бородатый мужик лет шестидесяти пяти, сказал Горбунову, что хлеба на две недели он уже напек, можно забирать для очередного дальнего захода. Съемочный отряд геологов во главе с Горбуновым после недельного отдыха снова собирался уйти с базы на месяц в самую дальнюю высокогорную область хребта Сетте-Дабан.

Рита поняла, что большего она тут уже не добьется, молча докурила папиросу и ушла. Пекарь, примостившись на освободившееся место, остался послушать, о чем геологи болтают.

— Что девку-то обидели? Грустная такая ушла. А, хлопцы? — спросил он.

Узнав о Ритиной проблеме, рассмеялся и со знанием дела сказал нам:

— Эх, пацаны-пацаны, вы еще молодые, бестолковые. Мужика ей захотелось! А вы — “медведь, медведь”! Мне бы ваши годы — я б ее от всех медведей спас. Посмотрите, какая девка — сок чуть не брызжет!

— В твои годы, Тимофеич, и Баба-Яга — красавица! — ответил ему Сашка Рыжий.

— А они, эти некрасивые, — пекарь поглядел на нас вспыхнувшими огнем глазами, — в постели так хороши бывают, что душу за нее заложил бы, на край света пошел бы и красавиц тебе никаких не нужно будет, все отдашь, чтобы только вновь с ней побыть.

Мы затихли, удивленно глядя на нашего пекаря: “Вот так дед!”

Получив от Горбунова маршрутные задания, мы вышли из палатки.

— Сань, ну если она действительно соблазнить тебя вздумает, разыграй ее немного, — напутствовал меня Рыжий, — сделай вид, что ты не догадываешься ни о чем. Посмотрим на нашего Маргаритыча с этим ее медвежьим соблазном. Я бы и сам сходил, — уж очень хочется ее разыграть, — да мне она ни за что не поверит.

— Да, разыграть Маргаритыча — это будет действительно умора! — поддержал его Бакланчик.

Я стал возражать, но хлопцам так понравилась эта идея, что они уже дружески хлопывали меня по плечам, благословляя на розыгрыш.

— Это ж только шутка, Сань! — не унимался Рыжий. — Не относись к этому так серьезно. Тебе-то только и надо будет, что понаблюдать за происходящим. Обхохочешься, наверное.

На следующий день, закончив к обеду документацию горных выработок, я пошел по своему обычному маршруту. Горный отряд, которым я руководил в качестве прораба-геолога, проводил буровзрывные работы в шести

километрах от нашей базы. Горбунов нашел там медную руду в девонских песчаниках, и теперь мы оценивали это месторождение. В течение месяца я ежедневно ходил на участок, медвежьи следы видел повсюду, но ни разу не встречался с самим косолапом. Иногда мне даже хотелось оставить ружье на базе, чтобы не таскать целыми днями эту тяжеленную бандуру, но всякий раз передумывал, вспомнив, как однажды, оказавшись без ружья, я встретил за день пятерых медведей. Такого страху натерпелся... Нет уж! На медведей приятно смотреть в кино, но когда встречаешься с ними в горах один на один, да еще и безоружный — приятных ощущений почему-то не появляется.

Мне нравился мой участок, я был увлечен его изучением. Рудовмещающая геологическая структура разбита разломами на блоки. Блоки горных пород смещены относительно друг друга, отчего рудные горизонты, и без того засыпанные каменистыми осыпями, постоянно терялись. Чтобы найти их и задать новые горные выработки, я буквально исползал весь этот участок и показал на карте все смещения по этим разломам. Теперь горные выработки точно вскрывали рудные горизонты. Геологическую карту участка я “отрисовал” с такой детальностью, что Горбунов, вернувшись на базу после первого месячного захода и знакомясь с результатами работ, долго смотрел на нее и молчал. Потом только спросил: “Все это я могу увидеть на местности?” “Естественно!” — ответил я. Горбунов взял мою карту и ушел на участок. Вернулся вечером и, улыбаясь, сказал: “Санька, вперед и с песней!”

На моем участке во впадине меж двух гребней гор плескалось озеро Чугучан. В кристально чистой воде отражались небо, белые облака и окружающие озеро черные базальтовые скалы. Каждый раз, изнывая в маршруте от жары и обливаясь потом, я смотрел на него с вершины водораздела, и мне хотелось поскорее спуститься вниз, искупаться, поплавать. А спустившись, я так ни разу и не нырнул в него. Вода была обжигающе холодной, только слегка поплескаться — и все.

Закончив свой маршрут, я подошел к озеру, обмылся ледяной водой и направился к Рите. Ее палатка стояла в двух километрах от озера у белых скал. Рита проводила там минералого-петрографические исследования медистых песчаников и базальтов. Ходить на участок работ каждый день с базы, как я, она не захотела, но и жить по соседству с нашими горняками тоже отказалась. И хотя эти хорошие, знающие свое дело работники относились к ней с неподдельным уважением, она воспринимала их только как эжов — каждый из них, к сожалению, имел за плечами как минимум две судимости. И вот теперь начались проблемы — одна она не может работать. “Ну что ж, посмотрим, что там!” — усмехнулся я, направляясь к Ритиной палатке.

Я шел по пологому склону, лавируя между кустами кедрового стланика. Кусты были широкие, разлапистые, высотой почти в человеческий рост. Стланик цвел, и в воздухе стоял насыщенный смолистый аромат. При малейшем прикосновении к веткам стланика пыльца сыпалась с цветущих почек желтыми облачками. Я шел быстро, глаза автоматически выбирали среди кустов просветы и едва заметные звериные тропы, и вдруг в пяти метрах впереди от меня из-за куста кедрового стланика встал медведь. Темно-коричневый, почти черный, он поднялся на задних лапах во весь свой могучий рост. Я видел его всего лишь одно мгновение — и он исчез. В обступившей меня тишине не прозвучало ни шороха, ни хруста ветки, ничто не шелохнулось, будто никакого медведя и не было. Я стоял, чувствуя, как гулко бьется сердце в груди, и с удивлением отметил, что держу в руках ружье, готовый в любой момент выстрелить, и даже не могу припомнить, как и когда снял ружье, висевшее у меня за спиной.

Постояв так пару минут, я обошел куст. Никого! Зная эту медвежью особенность бесшумно растворяться в зарослях, я забросил ружье за спину и пошел дальше. “Наверное, это и есть Ритин медведь, — подумал я. — А не маленький! Куст стланика — чуть меньше моего роста, и медведь за ним почти по пояс виден”.

Медведей я не боялся. Зная возможности моего двуствольного ружья двенадцатого калибра, я мог быть относительно спокоен при встрече с медведем. Медведь тут хозяин, это его территория. Но она и моя тоже!

Вскоре я подошел к ручью, у которого стояла маленькая двухместная палатка. Рита сидела у костра, просушивая мокрые волосы, курила и что-то записывала в тетради.

— Привет, Рита!

— Привет! А я думала, ты уже не придешь, — усмехнулась она. — Чай будешь пить? Ужин я еще не готовила, только недавно вернулась из маршрута.

Она говорила с интонацией, легко выдающей в ней коренную ленинградку.

— Я бы выпил кофе, — как бы между прочим сказал я, зная, что у Риты есть и кофемолка, и турочка-кофеварка, и кофе в зернах (страшный дефицит! “Мама прислала”, — обмолвилась она перед подем), и то, что она иногда устраивает себе этакие маленькие праздники с кофе. Из ее палатки еще на базе я пару раз чувствовал запах настоящего молотого кофе.

— Кофе потом, после ужина, а сейчас давай чаю попьем!

Я снял ружье, прислонил его к молоденькой лиственнице, сбросил рюкзак и сапоги. Босой сходил к ручью и с наслаждением побродил в холодной воде. Затем вернулся к костру, прикурил от горящей ветки сигарету и с удовольствием сделал первую затяжку.

— А ты неплохо устроилась, — сказал я, присаживаясь у костра.

Палатка стояла на небольшой опушке среди зарослей кедрового стланика, перед ней, журча, тек небольшой ручей, за которым стеной возвышались белые гипс-ангидритовые скалы. Размытые водой породы причудливыми коралловыми ветками лежали в ручье, некоторые из них украшали полянку перед палаткой Риты.

За чаем и за ужином, за разговорами о геологии участка и в воспоминаниях о наших студенческих годах прошел вечер. Близилась полночь. Мы сидели у костра. От его пламени сумерки белой ночи казались совсем темными. Говорить уже ничего не хотелось. Я понял, что надо уходить.

— Ну, вот видишь, Рита, и никакого медведя нет! — сказал я. — Так что, пойду я домой.

— Так медведь приходит, когда сидишь в палатке, — быстро сказала она, словно боясь, что я сейчас уйду. — Пойдем в палатку!

“Ну, началось! — усмехнулся я про себя. — Спектакль под названием “Соблазн”. Действие первое. Может, действительно прав был пекарь, говоря, что ей мужика захотелось? Ну, нет, дорогая! Я еще не дошел до того, чтобы ты показалась мне желанной”.

— Ну что ж, — пряча усмешку, сказал я, — пойдем в палатку. Может, все-таки кофе угостишь, пока твоего медведя ждать будем.

Мне очень хотелось расколоть ее на кофе.

— Ладно, — согласилась Рита, — спать все равно не придется, давай хоть кофе попьем.

Я взял ружье, и мы зашли в палатку. Уютное, хорошо обжитое женское жилище: толстый спальный мешок на невысоких бревенчатых нарах, жестяная палаточная печка, небольшой столик, на котором в коралловом подсвечнике стояли свечи, рядом лежала книга и какие-то женские штучки. Но для двоих палатка тесновата. Я затопил печку, тепло быстро наполнило жилище геолога. Рита сняла кроссовки, забралась на свой спальник, предложила мне сесть рядом. Она сняла с себя куртку и осталась в джинсах и короткой белой майке, плотно облегающей ее большие груди. И хоть я старался не смотреть на них, они почему-то все время мелькали передо мной в этой тесной палатке, и от них исходил такой нежный и притягательный аромат теплого женского тела. “Не соблазнишь! Даже не надейся!” — усмехнулся я.

Рита сварила в турочке душистый кофе, разлила его по кружкам. Я маленькими глотками пил этот божественный напиток, наслаждался им, как вдруг она схватила меня за руку и едва слышно прошептала:

— Пришел! Слышишь, ветка хрустнула?

Она прижалась грудью к моему плечу, вся напряглась, замерла, словно действительно вслушивалась в ночную тишину.

“Так, — смеясь про себя, отметил я, — началось! Действие второе”.

— Тебе это показалось, — как можно спокойнее сказал я и отстранился от нее. Я совершенно не слышал никаких звуков, но чтобы не рассмеяться и не выдать себя, взял ружье и вышел из палатки.

Вокруг тишина. Ни звука. Только мягко журчал ручей. Скальные гребни окрестных гор отчетливо чернели на оранжево-зеленом фоне гаснущего неба. В опустившихся на землю ночных сумерках заросли кедрового стланика сливались в сплошную темноту. Я подбросил толстых поленьев в костер перед палаткой и вернулся назад: “Сейчас начнется действие третье”, — сказал я себе. В душе я уже хохотал, представляя, что сейчас будет.

— Может, ты все это придумываешь? — Мне хотелось, чтобы она прекратила эту игру. — Мышь пробежит, ветка хрустнет, а тебе уже кажется, что медведь пришел. Трусиха!

— Так он же еще и рычит! Понимаешь? — шепотом сказала она. Ее лицо покраснелось, груди волнующе поднимались при дыхании. В этот момент она показалась мне даже красивой.

Я улыбнулся. Я ей не верил. “Ну и актриса! Похоже, ты действительно тянешь время, чтобы за полночь сморить меня сном и уложить к себе в постель. А играешь прямо профессионально! Только зачем же меня медведем пугать?” Я прислонил ружье к брезентовой стене палатки и, едва сдерживая улыбку, допил свой уже остывший кофе. Словно устав сидеть, Рита прилегла на спальник и все крутилась на нем, не находя себе удобного места. Мне тоже хотелось спать, и я теперь только и думал, что зря я сюда вообще пришел. Зачем мне все это нужно? Там, на базе, в тепле моей уютно обустроенной палатки так хорошо, я бы лежал сейчас в спальном мешке, читал бы при свечах рассказы О. Генри, а тут...

Тепло палатки расслабляло. Словно пытаюсь уснуть, Рита закрыла глаза. Я видел, как подрагивают ее ресницы, и знал, что она не спит. Она никак не могла успокоиться, переворачивалась с бока на бок, но как бы она ни ложилась, все равно прижималась ко мне, вздрагивала и отстранялась. Понимая, что мы не сможем просидеть так всю ночь, что усталость все равно уложит нас рядом, я решил уйти.

— Эти бессонные ночи сделали меня совсем слабой, — сказала Рита. — Мне кажется, я бы сейчас просто провалилась в сон.

Словно засыпая, она расслабилась и прижалась ко мне. Постель не была рассчитана на двоих. Жар, исходивший от ее тела, я почувствовал даже через плотную ткань моей спецодежды. “Так! Третье действие подходит к концу, — сказал я себе. — Надо заканчивать”.

— Ладно, пойду я, Рита. Спи.

— Нет-нет, не уходи! — встрепенулась она. — Посиди еще. До рассвета всего два часа осталось.

Вид у нее был такой сонно-постельный и такой по-женски теплый и притягательный, что я на мгновение усомнился в своей стойкости. “Ну вот, от нашей горячки Риты не осталось и следа — в постели все женщины одинаковы. Но нет! Все! Хватит! Игра закончена. Занавес. Я пошел домой”.

Я уже хотел встать, но в это мгновение услышал рядом с собой такой страшный, клокочущий медвежий рев, что мурашки разбежались у меня по всей коже, а волосы на голове, казалось, встали дыбом! Ощущение такое, что медведь стоит прямо у меня за спиной за тонкой брезентовой стенкой палатки. От медвежьего рева я не мог даже шелохнуться, потом почти бессознательно схватил ружье и сидел, до боли сжав его руками, готовый выстрелить на любое движение, на любой шорох. В мертвой тишине просидели мы так несколько минут. Безмолвие опутало все вокруг.

Я осторожно вышел из палатки с ружьем на изготовку. Из ночных сумерек на меня молчаливо смотрели белая скала, темные кусты кедрового стланика и черные базальтовые кручи окрестных гор. Я вытащил из ружья пулевые патроны и, в надежде хоть как-то напугать зверя, дробовыми зарядами выстрелил в разные стороны по кустам кедрового стланика, в которых он мог затаиться. Стланик безропотно принял в себя дробь, но так и остался нем. Постояв немного, я вернулся в палатку. Рита сидела на спальнике,

двумя руками держала свой револьвер, в ее глазах застыл страх. И тут я посмотрел на нее совсем по-другому. Я вдруг увидел ее маленькой, беззащитной и в то же время такой смелой — она столько дней боролась здесь со своим страхом, только чтобы оставаться независимой и гордой! “Вот тебе и Маргаритыч! — подумал я, немного успокоившись. — А давненько я не испытывал таких острых ощущений. Я тут, как дурак, сидел, посмеивался над ней, а сам со страху чуть не помер!”

Улыбка тронула мои губы.

— Не бойся! — стараясь казаться веселым, сказал я Рите. — Он теперь, наверняка, такого дёру дал, что больше сюда не вернется!

Следующие полчаса показались мне вечностью. Я все поглядывал на часы, а они как будто остановились. Тишина белой ночи была гнетущей, говорить ничего не хотелось. Но усталость брала свое, клонила в сон, и когда мои глаза уже готовы были сомкнуться, невдалеке от палатки снова раздался страшный медвежий рев, раз, другой, третий...

Словно сбрасывая с себя путы парализующего страха, я выскочил из палатки и выстрелил в сторону этого рева одним жаканом, второй оставляя на всякий случай в стволе. Вокруг была все та же звенящая тишина. Спустя несколько секунд невдалеке от палатки я услышал сердитое медвежье ворчание. Тут же выстрелил туда и перезарядил ружье.

И снова тишина.

Я зашел в палатку. Рита по-прежнему сидела, крепко сжав руками револьвер. Ее трясло от волнения. Я протянул ей сигарету, мы закурили.

— Саша, он до рассвета так ходить будет, еще часа полтора, пока солнце не взойдет, — сказала она, совсем поникнув.

— Как же ты тут жила целую неделю?

— Вот так и сидела, и тряслась от страха, а сказать, что боюсь — стыдно было. Я же — геолог!

“Ладно, поиграли и хватит”, — подумал я, а Рите с напускным спокойствием сказал:

— Собирайся, пойдём на базу! Хотя немного посним там, чем тут сидеть и медведя твоего ожидать. Завтра каюр перевезет твои вещи и палатку на стоянку горного отряда. Мужики там после этого медведя ангелами тебе покажутся.

Мы быстро собрались и ушли. Движение придавало уверенности. Это было уже не пассивное сидение и ожидание. Я был возбужден, кровь ощущимо текла в моих жилах, я весь превратился в зрение, слух, обоняние, шел, чувствуя в себе что-то звериное, и это чувство нравилось мне. Это была готовность в любой момент сразиться, защищать себя и женщину — древний инстинкт самосохранения, доставшийся нам в наследство от предков и затившийся в нашем сознании. И все же мне все время казалось, что этот медведь провожал нас до самой базы, казалось, что я всем своим существом чувствовал его присутствие то сзади за спиной, то сбоку, то впереди.

Только подойдя к базе, я оглянулся назад в темные сумерки и стал хохотать. Рита, уже дружески улыбаясь, смотрела на меня.

— Ты знаешь, — признался я ей, — я думал, ты меня соблазнить хочешь. “Ну и актриса, — смеялся я над тобой, — играет почти неподдельно!”

— Я знаю, Саш. И хоть мне было вовсе не до смеха, все же хотелось посмотреть, как свою роль сыграешь ты.